

За полчаса до лета я пишу книгу. Попыток было уже много, слова и мысли копились в голове, сами по себе складываясь в тексты и рассказы, — мне всегда было интересно, для чего это всё? Когда стало нужно, всё, что собиралось во мне долгие годы, теперь как будто не выуживалось из головы.

Зимой родился Эван, и найти время писать стало сложнее. Сроки, обещанные мной издательству, опять перенесли. Периодически накрывают сомнения — зачем эта книга?

Но за полчаса до лета — случилось. Как будто всё вдруг завертелось, ожило, заговорило внутри. Наверное, весна наконец проснулась во мне. С ее теплым солнцем и перерождением всего живого я вдруг поняла, зачем пишу.

Я пишу письмо в будущее. Закупориваю вкус домашних вишневых вареников моей бабушки, герметизирую звуки и запах дома нашей квартиры на Таганке, рисую портреты родителей и веду летопись своей красивой истории любви — бережно упаковываю это всё и передаю в будущее — родным, семье и просто людям, кто откроет свое сердце для этой книги.

Я пишу об ощущении мира маленькой девочки, которую всегда чувствовала в себе. И чувствую по сей день... Казалось бы, такие простые, обыденные вещи — мысли, страхи, люди, места. Зачем кому-то читать истории о шелковом халате моей бабушки, об обжигающем пятки песке в Оленевке, о любимом торте из вареной сгущенки, маминых подругах, московских улицах?

Но все эти истории, весь миллион деталей и сюжетов и формируют суть человека. Каждое тонкое ощущение, мысль, страх или встреча — всё формирует тебя. Одно такого, не похожего ни на кого на этом свете. Жизнь заложила всё это в тебя, она же совершенствует, полирует, доводит

до блеска. Ты живешь, а значит, ты уже уникален. Береги это в себе, не бойся своей непохожести. Это и есть то самое достоинство, дарованное человеку Богом и природой. Чувствуй, возноси, возвращай, запоминай. Всё, что внутри и вокруг тебя, — это и есть только твоя, а значит, лучшая дорога под названием «жизнь».

Я бережно заворачиваю мысли и чувства в эту книгу, отпускаю. Волнительно. Здесь нет сложных смыслов, всё простое, но близкое и важное.

Мечтаю, чтобы, прочитав ее, вы смогли почувствовать — улыбнуться или взгрустнуть, возможно, задуматься. Каждый о своем. Своим важным, но так тщательно спрятанном внутри.

Замечая себя

Я другая. С самого детства мне так казалось. Кроме того, что меня дразнили — «Зачем тебе такие большие губы?», — с первого взгляда я особенно ничем не выделялась. Но всегда чувствовала: что-то отделяло меня от мира. Это «нечто» ощущалось как момент тишины, пауза, которая требовалась мне, чтобы осознать происходящее вокруг. Это пространство творчества и мечты, пространство «между», где застывало всё, что случалось со мной — настаивалось, оценивалось, приобретало форму. Высокая чувствительность и наблюдательность дали возможность заметить его еще в детстве.

Проявлялась эта инаковость, например, в одежде. Во времена моего детства решиться на смелый образ было сложно. О насмотренности не было и речи. И я нашла свой особенный стиль, без претензии на звание самой модной девочки в школе. Минимализм со мной случился до наступления эпохи минимализма: черная кофта, серые брюки, волосы всегда на прямой пробор и в пучок. Тогда так было совсем не принято, ведь только-только появилась возможность покупать себе разноцветные заколки и одежду. Помню, модно было носить капор. И у меня он тоже появился, правда, в момент, когда уже был у всех, отчего стал мне совершенно не нужен. Я не кичилась тем, что не похожа на других, я не знала, что с этим делать. Просто тихо хранила в себе это ощущение. Мне очень хотелось, чтобы кто-то разглядел меня настоящую.

И очередей мальчиков за мной никогда не было — я оказалась для них слишком сложной. Моя взрослость, конечно, отразилась и на отношениях: всё могло быть только серьезно. Мне хотелось сохранить себя для настоящих чувств, той самой любви. Когда вокруг все бегали на свидания и были «с кем-то», я иногда грустила, но меняться ни за что не была готова. Тогда мне казалось, что со мной что-то не так, ведь в летнем лагере мальчики не приглашали меня танцевать под «Руки вверх!».

В моем мире я до сих пор пишу письма тонкой ручкой, читаю бумажные книги. Ношу нательный крестик на простой веревочке. Из косметики у меня — крем для лица, а духам я предпочитаю запах кожи, скошенной травы, жженой осенней ЛИСТВЫ.

Всё принятое обществом, что перечило моим внутренним устоям, тут же отзывалось во мне защемлением в области ключицы, угрызениями совести или желанием сбежать. Делиться переживаниями я не считала нужным, оттого примерно полжизни вела внутренний разговор с собой: «Я другая, что же это значит?» Всегда со всеми дружила, но душа нараспашку — это не про меня. Наверное, поэтому мне так странен этот сегодняшний открытый настежь мир, где многое делается напоказ, где говорить о сокровенном с толпой — новая норма. Я его люблю, но он очень не похож на мой.

В моем мире я до сих пор пишу письма тонкой ручкой, читаю бумажные книги. Ношу нательный крестик на простой веревочке. Из косметики у меня — крем для лица, а духам я предпочитаю запах кожи, скошенной травы, жженой осенней листвы.

Весь мир хочет, чтобы человек уложился в стандарты общества, но однажды я поняла, что мне хорошо по-настоящему, лишь когда я слышу себя — замечаю свои ощущения и выбираю, что хотят мои душа и тело. Когда замираю послушать колокольный звон посреди дневной гонки, выбираю строгость к себе вместо праздного веселья и уезжаю за город гулять босиком по хрустящей траве вместо светских встреч, где будут «все». Даже если это странно и никто на свете меня не поймет, гармония с собой того стоит.

Сегодня тот, под чьи песни меня не приглашали танцевать, — просто «мой Сережа». Наши дети шумно бегают по дому, а я чувствую, как вся энергия, что я генерировала и хранила в себе на протяжении жизни, не растрачивая по пустякам, дает плоды в нашей семье. Своих самых главных отношений я дождалась. Не перестаю думать, как важно замечать свои мысли, ощущения, чувства. Как важно замечать себя.

Это папа во мне ЖИВЕТ

Папа был не про нежность, не про сказку перед сном, не про щекотку и смех до потери пульса, не про секретки и долгие разговоры на ночь. Как бы я ни пыталась достать из памяти хоть что-нибудь немного похожее — не получалось. Папа всегда был в движении, всегда где-то. Бесконечные встречи, презентации, благотворительные вечера, громкие речи, дни рождения и похороны, друзья и соратники, футбол, футбол и снова футбол. Мы с мамой тоже бежали — рядом, но не вместе с ним. В нашей жизни было много своих событий, были мечты — одни на двоих, цели, которых мы добились, путешествия, в которые мы ездили. Всегда вдвоем.

Сейчас папа больше не бежит, его нет рядом. Но я хорошо помню, как утыкалась при прощании или встрече в его сильно надушенную мягкую щетину. Это воспоминание папиного присутствия — мое наследство. Нежно берегу его. Папин запах действовал успокаивающе — сложный, сладко-древесный, иногда с нотками цитруса. Он обожал духи.

Папу знала вся Москва — когда он был в возрасте, знакомые таксисты подвозили его бесплатно. Он любил и умел дружить — близко общался с Лужковым и Кобзоном, ходил в гости к Третьяку. Ему нравилась, как сейчас говорят, эта светская жизнь. А вот семейная давалась сложновато.

В папе текла горячая еврейская кровь. Летали телефонные трубки, билась посуда, зачеркивались имена в записной книжке — при нечестных поступках или несправедливостях он прерывал общение. Папа красиво хмурился, иногда говорил громко, руками размахивал, любил сильно, но показывать этого не умел. Дурацкая бытовая вспыльчивость

и большие идеи о доброте и справедливости — всё это умещалось в одном человеке. Папа любил людей. В его кожаных записных книжках круглым аккуратным почерком были выписаны имена, фамилии, телефоны и даты рождения друзей, знакомых, коллег. Никого не забывал поздравить с днем рождения, знал, у кого какая проблема, и думал, как помочь. Перед Новым годом брал свою книжку и садился часа на два, всех обзванивал, поздравлял. Он был внимательным к людям вокруг, и видимо, этой внимательности на всех не хватало, мне не хватало.

Еще он вел дневниковые записи. Большие чувства, зашифрованные в простых словах: «Германия. У сына в гостях», «Регина родила сына — назвали Энджел». Этот образ взрослого сильного человека, который не расстается с ручкой и блокнотом, пророс во мне очень глубоко. Теперь письмо для меня — важный инструмент для проживания и замечания жизни. И есть отдельная тетрадь, куда я записываю понравившиеся мне мысли из книг. Папа мог написать: «Сегодня был у Эдика. Ели сливочное мороженое. День был прекрасный» или «Сидел сегодня в кафе. Ел мороженое. Счастье». Папа был строг и справедлив. Мягкость сердца выдавала его любовь к мороженому. У папы мог быть пустой холодильник, но мороженое было всегда. До 84 лет он сохранил абсолютно детскую любовь к жизни — и смог одарить меня ею. Трепетное отношение к жизни с каждой ее впадинкой и сложностью, восторги от доброго взгляда, хорошего поступка или падающего с дерева листа — я знаю, это папа живет во мне.

Папин язык любви — пакеты с едой и фруктами. Отголоски пережитой Второй мировой. В гости к родителям или внукам — всегда с сумками наперевес. О доставке и знанье не хотел — ему важно было привезти всё самому. А если в гости приходили к нему, сначала сажал за стол, открывал баночку икры, наливал чаю — и только после начинал разговор.

Папа жил спортом — пропадал на футбольных матчах, отвечал за нормы ГТО рабочих кондитерского завода «Черемушки». Я часто заходила к нему, наблюдала за тем, как пекутся торты, и пробовала сладости. В 75 лет он судил матчи, тренировался на даче, делал упражнения дома, по утрам ездил на игры к ветеранам. Когда родилась моя старшая дочь Ника, папа, как будто успокаивая меня, говорил: «Ничего, ничего, ты же знаешь, женские сборные у нас есть!»

Мы встречались с папой редко, чего не скажешь по нашим бесчисленным совместным фотографиям: вот мы на море в Сочи, вот на футбольном матче, вот катаемся на лыжах. Он любил фотографироваться, и все должны были четко смотреть в объектив и не отвлекаться.

Когда мне было 14 лет, папа повез меня в Германию к Эдику, моему родному брату по папе. У нас перестройка, пустые магазины. А тут мы заходим в супермаркет, и брат прикатывает тележку для покупок. Улыбается и говорит: «Выбирай что хочешь». Помню до сих пор: рождественская ночь, мы едим сало с черным хлебом, я впервые увидела Санта-Клауса, а на Новый год Эдик подарил мне гитару. Я тогда безумно о ней мечтала — пожалуй, лучший момент детства. Приехав в Москву, полгода плакала оттого, что пришлось вернуться. Оттого, что пришлось расстаться с Эдиком и его семьей. Всем сердцем прикипела к брату, эта поездка нас очень сблизила. Тогда не знала, что в следующий раз я вернусь много лет спустя, уже с Сережей.

Мы с папой не были на одной волне, но чем старше я становлюсь, тем больше чувствую его в себе. Мама — моя главная опора и сила в жизни, мы всегда с ней были и есть вместе. Но с каждым годом я всё больше чувствую в себе папу. С Эдиком мы перезваниваемся и спрашиваем друг у друга: «Ну что, имена из списков уже вычеркиваешь?»

Папы нет с нами уже семь лет, но каждый год 5 августа, в его день рождения, я покупаю детям много мороженого, мы едим сколько хотим. В этот день я не боюсь, что они заболели или заморозят горло: для меня гораздо страшнее, когда заморожена память и мы забываем о близких. В этот день, как и в еще очень многие, я думаю, какая же я богатая, что у меня был он. Человек, который научил замечать жизнь, радоваться по-детски и к людям вокруг относиться с бесконечным вниманием и участием.

До 84 лет он сохранил абсолютно детскую любовь к жизни – и смог одарить меня ею. Трепетное отношение к жизни с каждой ее впадинкой и сложностью, восторги от доброго взгляда, хорошего поступка или падающего с дерева листа – я знаю, это папа живет во мне.

Я с папой и братом Эдиком

Ванильное детство

Этот десерт — про детство, про любовь к папе, про что-то доброе и родное — а оно у каждого свое

Ингредиенты на 12 порций

Для теста: ◦ 180 г сахарной пудры ◦ 100 г растительного масла ◦ 1 яйцо ◦ 80 г кефира 1% ◦ 150 г пшеничной муки ◦ ванилин, соль, разрыхлитель на кончике ножа

Для заварного сгущенного крема: ◦ 80 г сливок 33–35% ◦ 80 г молока ◦ 1/2 ч. л. ванилина ◦ 1 яйцо ◦ 50 г сахара ◦ 1 ч. л. без горки кукурузного крахмала ◦ щепотка пшеничной муки ◦ 10 г вареного сгущенного молока

Для крем-чиза: ◦ 75 г сливочного масла 82,5% ◦ 40 г сахарной пудры ◦ 140 г творожного сыра ◦ 1/2 ч. л. ванилина

Для приготовления понадобятся готовые вафельные стаканчики и силиконовая форма — полусфера диаметром 6 см.

Процесс:

Шаг 1. Делаем основу

Растительное масло и сахарную пудру соединить и смешать миксером. Добавить яйцо и взбить до белой пышной массы. Влить кефир и еще раз соединить всё в миксере. Все сухие ингредиенты смешать и просеять через сито. Вмешать их в тесто до однородного состояния.

Разлить тесто по вафельным стаканчикам (по 45 г). Выпекать вафельные стаканчики с тестом в духовке при температуре 150 градусов 30 минут. Дать остыть, сделать отверстие для крема в центре. Можно использовать нож для удаления сердцевинки яблок диаметром 2 см.

Шаг 2. Варим крем

Сливки, молоко и ванилин довести до кипения. Сухие ингредиенты соединить в отдельной емкости и добавить к ним яйцо, тщательно перемешать. Молочную смесь постепенно влить в яичную, также перемешать и вернуть на огонь, довести до кипения и уваривать, помешивая, в течение 1 минуты. Полученный заварной крем пропустить через сито, пробить блендером. Добавить вареное сгущенное молоко, тщательно перемешать. Накрыть пищевой пленкой и охлаждать 4–6 часов.

Шаг 3. Готовим крем-чиз

Сливочное масло с сахарной пудрой и ванилином смешать в миксере до побеления и пышности. Добавить творожный сыр и еще раз перемешать. Залить в силиконовую форму (полусферу) крем-чиз, постучать формой об стол, чтобы он «уселся», убрать излишки кулинарной лопаткой и заморозить.

Шаг 4. Собираем пирожное

Заполнить отверстие в вафельном стаканчике заварным сгущенным кремом. Сверху поставить замороженную полусферу из крем-чиза. Убрать в холодильник на 4 часа для разморозки полусферы.

Папа был строг
и справедлив. Мягкость
сердца выдавала его
любовь к мороженому.
У папы мог быть пустой
холодильник, но мороже-
ное было всегда.

Моя Берта

Еврейская бабушка Берта — единственная из всех моих бабушек и дедушек, с кем я встретила в земном мире. Несмотря на нашу короткую историю на двоих (ее не стало, когда мне было шесть), я запомнила Берту на всю жизнь.

Ее внешний образ немного размыт в моих воспоминаниях, но крепко впечатался ощущениями и запахами. Я не помню голоса, но помню, что она была старенькой, плотной и очень строгой. Из-за того, что мама была не еврейкой, бабушка не пускала ее на порог квартиры, пока не появилась я.

Ее слово — закон, спорить было невозможно, и я просто подчинялась всему, что она говорит. Спать днем — значит, спать днем.

Бабушка была единственным настолько взрослым человеком в моей детской жизни. Я как будто чувствовала ее старость и где-то глубоко внутри понимала, что наш совместный путь не будет долгим. Это делало меня мягкой и снисходительной, помогало любить ее особенно сильно.

Главное воспоминание, связанное с бабушкой, — ее квартира на «Щелковской». Здесь всё настолько отличалось от однообразного советского быта, что я до сих пор помню каждую мелочь.

В квартире всегда чисто и почти празднично. В коридоре висит винтажная лампа в форме фонаря, окруженная металлическими вензелями. От нее исходит приглушенный, немного с желтизной, свет. Первым делом по приходе нужно идти в ванную мыть руки. Простой кафель, тазы с замоченным бельем, хозяйственное мыло в железной мыльнице — неизменный атрибут дома. Им стирают вещи, моют руки и даже голу. Но к приходу гостей достается всё дорогое. Ароматное

мыло в бумажной упаковке — только на особый случай. Берта ходит в простом шелковом халате в мелкий цветочек, но никогда не снимает кольца с бриллиантом — подарка бабушки.

Высокая бабушкина кровать пахнет накрахмаленными простынями. Я маленькая, мне непросто забираться на нее. В попытках уснуть изучаю старинный сервант, оттуда с гордостью и важностью на меня поглядывают два больших фарфоровых попугая и один орел — я чувствую легкую тревогу от их строгого взгляда.

У изголовья бабушкиной кровати висит фарфоровое блюдо с изображением моего молодого дедушки, Рафаила Бурд. Он смотрит своими добрыми глазами, поэтому каждый раз, когда мы «встречаемся взглядами», мне жаль, что нам не суждено было познакомиться. Говорят, он носил бабушку на руках. Работал не покладая рук заведующим мясного отдела магазина на Комсомольской площади в Москве, поэтому еда в доме была, даже в тяжелые годы войны.

В гостиной возвышенная атмосфера дома достигает апогея. По периметру комнаты стоят диваны темного дерева с бархатными бордовыми вставками. У меня они вызывают только одно желание — попрыгать на них что есть силы. Берта говорит: «Пока я жива, запрещаю!» И тогда я спрашиваю: «Бабушка, а когда же ты умрешь?» Конечно, сейчас мне стыдно за этот вопрос. Но, по рассказам мамы, я была совсем маленькой и не понимала, что могу причинить боль бабушке. Напротив дивана стоит черный лаковый сервант, в котором утопают бесчисленные сервизы: китайский перламутровый, прозрачный, изумрудного и бордового цвета с золотой каймой. Рядом другой сервант, с массивными статуэтками балерин и карет. У Берты дома хозяйственное мыло, но любит она красивое и редкое. Пользуется дорогими вещами скромно, бережно.

Самая простая комната — и моя самая любимая — кухня. Там улетучивалась вся праздность и торжественность,

оставалась чистая душа. И бабушкины вареники с вишней... Она накладывает всегда большую тарелку с горкой, заливает вишневым соусом и, конечно, настаивает, чтобы я съела всё до пустого доньшка. При любом удобном случае упрекает родителей, что они плохо кормят ребенка, и меня называет «дощечкой с дырочкой».

Однажды я перестала ездить к бабушке. Проснулась в нашей с мамой маленькой квартире в Медведково, вдруг заставленной всеми этими бабушкиными музейными сервантами, сервизами и фарфоровыми статуэтками. Не стало моей Берты. Но запах чистоты и вишневых вареников, шелковый халат в мелкий цветочек, сглаживающий ее строгость, остались со мной навсегда.

В попытках уснуть изучаю старинный сервант, оттуда с гордостью и важностью на меня поглядывают два больших фарфоровых попугая и один орел — я чувствую легкую тревогу от их строгого взгляда

Бабушкины вареники с вишней

Ингредиенты на 4 порции

Для теста: ◦ 500 г пшеничной муки ◦ 1 яйцо ◦ 250 г кипятка
◦ 2 ст. л. растительного масла или 50 г сливочного ◦ 1 ч. л.
с горкой соли

Для начинки: ◦ 500 г вишни без косточек ◦ по 1/2 ч. л. сахара
на каждый вареник

Для соуса: ◦ 1 ч. л. крахмала ◦ горсть вишни ◦ сок от вишни
◦ 3 ст. л. сахара

Процесс:

Шаг 1. Готовим тесто

В емкости вилкой смешать яйцо, масло и соль, потом добавить муку и руками перетереть в крошку. Продолжать замешивать еще 5 минут, по чуть-чуть добавляя кипятка. Тесто должно получиться упругим, не прилипающим к рукам. Накрывать его пленкой и оставить на 30 минут при комнатной температуре.

Шаг 2. Лепим вареники

Тесто раскатать в тонкий пласт — примерно 2 мм. Предварительно стол и тесто можно слегка подпылить мукой. Вырезать кружочки диаметром около 7 см. На каждый положить примерно по 3 ягоды, 1/2 ч. л. сахара и слепить — сначала середину, затем края. Варить 3–4 минуты в соленой воде. Слить воду и встряхнуть кастрюлю или дуршлаг, чтобы вареники не слиплись. Подавать со сливочным маслом, сметаной или вишневым соусом.

Шаг 3. Готовим соус

Горсть вишни отправить в блендер и превратить ее в однородную кашу, добавить стекший с ягод сок. Крахмал развести в 40 г холодной воды, затем тонкой струйкой влить в кипящий сок, постоянно помешивая. Добавить сахар и довести до кипения.

Она накладывает всегда большую тарелку с горкой, заливает вишневым соусом и, конечно, настаивает, чтобы я съела всё до пустого доньшка.

Я – осень

Я родилась осенью, и мне всегда казалось это очень противоестественным — родиться тогда, когда всё умирает. Ощущение временности всего я чувствовала еще маленькой. Отсюда острое желание запомнить момент до того, как он закончится. Я научилась мысленно фотографировать мгновение, замуривая глаза. Всегда знала, что эти «файлы» счастья будут моей опорой в моменты тревог и падений. Жадно хваталась за запахи, ощущения кожи и тела: только бы ничего не упустить, запомнить все свойства момента. Вот горячий песок в Оленевке обжигает мои пятки, вот рука помнит примерную тяжесть ведерка с каштанами после прогулки с семьей в парке, вот вкус простого торта из сгущенки, который мы делали на Новый год. Потом — встреча с Сережей, рождение детей. Качается большая лапа хвой в больничном окне, пока я прощаюсь с папой.

Коллекционер воспоминаний, мгновений — так называла я себя, будучи совсем малышкой. Теперь я учу наших детей замечать и мысленно фотографировать счастливые моменты.

Мама – это вера

В моем детстве мама много работала. И не только потому, что так было принято. А потому что на двоих у нас были одни мечты. Амбициозные, смелые и очень большие по меркам всех жителей улицы Стартовой в московском районе Медведково. Да и вообще — для среднестатистического человека из рабочей среды того времени.

